

РЕЦЕНЗИИ

УДК 811, 572.1, 159.9.07
DOI 10.17223/18137083/65/25

Т. Г. Скребцова

*Санкт-Петербургский государственный университет
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург*

Рецензия на монографию:

Кошелев А. Д.

Очерки эволюционно-синтетической теории языка.

М.: ЯСК, 2017. 528 с.

(Разумное поведение и язык. Language and Reasoning)

Монография А. Д. Кошелева нацелена на всестороннее описание языка, учитывающее, насколько это возможно, всю многоаспектность его свойств. Синтетическая составляющая призвана учитывать взаимодействие языка с другими когнитивными подсистемами (мышлением, представлением знаний и пр.), а эволюционная составляющая отвечает за вопросы онто-, глотто- и антропогенеза.

Ключевые слова: референция, ментальные репрезентации, язык мысли, сенсорный язык, онтогенез языка.

Название рецензируемой книги подразумевает, что читателю предлагается новый комплексный теоретический подход к рассмотрению человеческого языка в синхронической и диахронической перспективе. Именно так автор и формулирует свою задачу. Современная лингвистика, по его словам, пребывает в совершенно неудовлетворительном состоянии, отмеченном отсутствием единой методологии и неуправляемым порождением все новых и новых концепций языка, которые, однако, не находятся в отношениях конкурентного соперничества, а просто сосуществуют друг с другом. Их непрерывное накопление приводит к тому, что наши знания о языке становятся, с одной стороны, все более широкими и разносторонними, а с другой – все менее глубокими и бесспорными [Коше-

Скребцова Татьяна Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры математической лингвистики филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Университетская наб., 11, Санкт-Петербург, 199034, Россия; t.skrebtsova@spbu.ru); старший научный сотрудник Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН (Тучков пер., 9, Санкт-Петербург, 199004, Россия)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2018. № 4
© Т. Г. Скребцова, 2018

лев, 2017, с. 112–117]¹. Единственный выход из сложившейся ситуации видится А. Д. Кошелеву в том, чтобы начать построение теории заново, с нуля. В своей книге он представляет общие очертания такой теории.

Новая теория языка, по словам автора, должна быть «всеобъемлющей, или эволюционно-синтетической, нацеленной на всестороннее описание языка, учитывающей, насколько это возможно, всю многоаспектность его свойств и способной благодаря этому обеспечить “с позиции доказательной силы” долгожданный консенсус в сообществе лингвистов-теоретиков» (с. 144). Синтетическая составляющая призвана учитывать разнообразные аспекты, связанные с устройством и функционированием естественного языка, а также его взаимодействием с другими когнитивными подсистемами (мышлением, памятью, эмоциями и пр.). Что касается эволюционной составляющей, то она отвечает за вопросы онто-, глотто- и антропогенеза.

Связующим звеном между синтетической и эволюционной составляющими служит понятие сенсорного языка, который является фундаментом всех авторских построений. Сенсорный язык (точнее, подъязык – в смысле, близком к естественному семантическому метаязыку А. Вежицкой в том плане, что он также «вырезан» из обычного человеческого языка, представляет собой его подмножество) образован лексическими и грамматическими сенсорными единицами.

Сенсорная лексика – это слова, которые «обозначают видимые (шире – воспринимаемые) предметы, действия и качества»: *дерево, стол, коробка, яблоко, идет, плачет, зеленый, высокий* (с. 22). Их референты доступны непосредственному (контекстно-свободному) распознаванию только на основе своего внешнего вида. Точнее – и автор это особо оговаривает – речь идет не о слове в совокупности всех его значений, а о его основном, наиболее конкретном значении: очевидно, что у такой лексики могут быть производные значения, не связанные с обозначением перцептивно воспринимаемых предметов, действий и свойств, например, *синтаксическое дерево, вегетарианский стол, время идет*. К несенсорным (функциональным – в терминологии автора) относятся слова *сорняк, подставка, упаковка, фрукт, драчун, нахал, соня, хныкает, злится, учит, красивый, аккуратный*. Для распознавания их референтов требуются дополнительные (контекстные, энциклопедические) знания.

Основные значения сенсорных слов описываются посредством специально выработанной дуальной схемы, включающей Прототип и Ядро (последнее в тексте книги иногда именуется Функцией). Прототип – это перцептивный (преимущественно визуальный) образ типичного члена категории, а Функция – это человеческая трактовка того характерного действия, которое осуществляет каждый член категории в соответствии со своей формой (с. 55). В другом месте Функция (Ядро) определяется как антропоцентрическая, функциональная характеристика членов категории (с. 167).

Автор утверждает, что традиционные словарные дефиниции фиксируют, главным образом, Прототип, что обеспечивает понимание услышанного или прочитанного слова. Но остается нерешенной обратная задача – номинация предмета, в случае если он не является типичным членом категории. Так, словарное определение слова *банан* содержит указание на то, что это южный фрукт удлинённой формы, желтый, мучнистый и сладкий. Однако *зеленый банан, гнилой банан* не перестают быть бананами, хотя не все перечисленные признаки для них верны (с. 160–161). А. Д. Кошелев полагает, что для идентификации предметов, свойств и действий носитель языка пользуется особой характеристикой, которую можно называть Ядром, или Функцией. Этот второй компонент автор считает главным в структуре основного значения слова (тонкий анализ значений слов *стул* и *крес-*

¹ В дальнейшем ссылки на страницы этого издания даются в тексте в круглых скобках.

ло, стоять, лежать, сидеть и висеть, а также некоторых других в терминах Прототипа и Ядра (Функции) см. в гл. 2).

Оба компонента связаны отношением интерпретации: Ядро (содержательная характеристика референта) приписывается Прототипу (типичному внешнему виду референта) (с. 164). Схематически это выглядит следующим образом (с. 167):

основное значение = Прототип ← семантическое Ядро

Прототипы значений сенсорной лексики в книге изображаются при помощи соответствующих рисунков, а Ядро получает словесное описание, отсылающее к функции, т. е. к интенциональной характеристике предмета. Так, для слова *дерево* Ядро значения сформулировано следующим образом: «растет само собой, цветет и плодоносит, получая питание от земли и солнца» (с. 168).

Недостаточность словарных толкований, ориентированных исключительно на описание внешнего вида типичных представителей того или иного класса вещей, и необходимость введения такого компонента, как Ядро (оно же Функция), обуславливают специфику предлагаемого семантического подхода, который автор называет референциальным. Вопреки ожиданиям, это выражение не отсылает к школе логической семантики (Фреге, Расселу, Куайну и др.), хотя ее программный тезис о том, что значение выражения есть то, что оно обозначает, Кошелеву, безусловно, близок. Действительно, автор утверждает, что главная цель состоит в том, чтобы «строго определить основное значение слова и, соответственно, категорию его прямых референтов» (с. 157).

Нетрудно заметить, что данная позиция идет вразрез с привычным для отечественного языкознания сближением значения с такими категориями, как сигнификат, содержание (а не объем!) понятия, а также мысль (thought) в знаменитом семантическом треугольнике Ч. Огдена и А. Ричардса, смысл (Sinn) у Г. Фреге, интенционал у Р. Карнапа. Стремление к полному описанию всех (а не только типичных) референтов слова, напротив, ставит во главу угла предметную, экстенциональную соотнесенность слова. Ради этого автор разработал специальный формат толкования. Но насколько введение дуальной структуры позволяет достичь цели?

Осмелимся предположить, что потребность в Ядре для полноценного описания значения неодинакова у разных групп сенсорной лексики. Так, на наш взгляд, у слова *дерево* Ядро (в том виде, как оно сформулировано выше) мало что добавляет к Прототипу и, кстати говоря, не «спасает» в случае *засохшего дерева*, да и к тому же не позволяет отличить *дерево* от *куста*. Идентификация деревьев и их разграничение с близкими категориями (в данном случае с кустами) будет обеспечиваться Прототипом, а не Ядром. Думается, это положение вещей вообще характерно для слов, обозначающих так называемые естественные классы (natural kinds).

Другое дело – быстро меняющие свой облик артефакты: телефон, часы и др. У них прототип стремительно меняется, поэтому введение Ядра оправданно, но тогда под ударом оказывается Прототип: как его изобразить на рисунке?

Справедливости ради хочется заметить, что толковые словари, определяя основные значения слов *дерево* и *телефон*, вполне закономерно и предсказуемо делают упор на разные признаки, соответственно визуальный и функциональный, см. [Большой толковый словарь..., 1998].

Эти критические замечания отнюдь не ставят под удар саму идею дуальной структуры. Напротив, она представляется вполне интересной и плодотворной, но, на наш взгляд, нуждается в дальнейшей проработке с точки зрения возможностей ее применения к различным группам лексики.

В семантической теории автора сенсорное значение слова становится исходным для образования множества его производных значений. Согласно автору,

опирающемуся в этом вопросе на семантические исследования Г. Пауля и др., основными механизмами образования производных значений являются метафорические и метонимические переносы.

Далее автор постулирует структурное и генетическое сходство лексических и грамматических значений и утверждает, что во множестве грамматических единиц также имеются сенсорные единицы. Их основные значения могут быть описаны в терминах Прототипа и Ядра. Для иллюстрации этих положений в книге подробно рассматриваются глагольные категории переходности и залога в русском языке (с. 344–370). Например, основные залоговые значения автор определяет следующим образом: «значения актива (действительного залога), пассива (страдательного залога) и рефлексива (возвратного залога) отражают три самых общих типа изменений, происходящих с субъектом действия. Актив отражает независимые изменения субъекта (*Мальчик моет машину*), пассив – зависимые изменения (*Машина моется*), а рефлексив – независимые и зависимые изменения, одновременно происходящие с субъектом (*Мальчик моется*)» (с. 351). При этом оппозицию «независимые изменения vs. зависимые изменения» предлагается считать исходной для человека, видоспецифической, формирующейся у младенца на первом году жизни и не обусловленной конкретным языком. Полтора десятка остальных залоговых значений (автокаузатив, антипассив, реципрок и др.) выводятся из этих основных значений путем последовательных метафорических и метонимических переносов (с. 159–169).

Из сенсорных лексических и грамматических единиц строятся сенсорные предложения типа *Человек бежит*, *Кошка пьет молоко*. Нетрудно усмотреть здесь аналогию с непосредственно понимаемыми (*directly meaningful*) предложениями у Дж. Лакоффа [Lakoff, 1987]. Затем автор приводит список элементарных когнитивных единиц (элементов и отношений), который он называет когнитивным конструктором – по аналогии с детским конструктором. Если детский конструктор помогает ребенку манипулировать физическими предметами (передвигать, соединять друг с другом и пр.), то когнитивный конструктор позволяет ему строить ментальные корреляты воспринятых ситуаций (с. 415–417).

Значения сенсорного языка составляют базу универсального языка мысли. Сенсорному языку противопоставлен функциональный язык: первый служит для описания того, что можно воспринять органами чувств, а второй является средством описания «мыслимого» (постигаемого разумом) мира. Более подробный анализ этих аспектов подхода Кошелева см. в монографии [Зубкова, 2016, с. 559–562].

Сенсорный язык, по мысли автора, соотносится с так называемыми базовыми концептами (ср. «понятия базового уровня» у Э. Рош и в вышеупомянутой книге Дж. Лакоффа), а функциональный язык предполагает партитивное и атрибутивное расширение базовых концептов и их превращение в так называемые развитые концепты. Заметим, что круг базовых концептов очерчен в книге довольно неопределенно. Упомянутая связь базовых концептов с сенсорными словами также не способствует прояснению этого вопроса: сенсорная лексика определена так (см. выше), что в нее попадают слова, обозначающие любые артефакты (какими бы конструктивно сложными они ни были) и всевозможные, сколь угодно экзотические, естественные классы – животные, птицы, рыбы, минералы и пр. Однако очевидно, что отнюдь не всё то, что может быть воспринято зрением, представляет собой базовый концепт. Если же опираться на еще более широкую формулировку, предполагающую любое чувственное восприятие (что также допускается приведенным выше определением), в рассмотрение попадают звуки, запахи, вкусы и тактильные ощущения, что делает круг кандидатов и вовсе необозримым.

Как и в предыдущей монографии [Кошелев, 2015], лексической семантике в рассматриваемой книге уделяется много внимания. Авторская позиция по ряду

аспектов (определение основного значения, принципы его описания, квалификация производных значений как метафорических или метонимических и пр.) отклоняется от общепринятой, закреплённой отечественной лексикографической практикой и соответствующими научными трудами. Дискуссионность вообще составляет отличительную и, на наш взгляд, сильную сторону исследований А. Д. Кошелева, способствуя оживлению интереса к вопросам, которые, казалось бы, раз и навсегда решены и закрыты. В связи с этим показательна даже не столько переписка автора с И. А. Мельчуком по соответствующим проблемам (см. § 16), сколько сам факт, что автор приводит ее на страницах своей книги.

Рассматривая монографию А. Д. Кошелева в контексте лингвистической литературы, логично будет поместить ее в разряд книг о языковом значении (а не о форме, если пользоваться привычной дихотомией). В то же время авторская концепция выходит далеко за рамки собственно языкознания, характеризуясь ярко выраженной когнитивной направленностью. Она в полной мере воплощает в себе идею того, что называется *когнитивной теорией языка*. Это проявляется, прежде всего, в приверженности так называемому когнитивному обязательству, согласно которому лингвист должен согласовывать свое описание и объяснение языковых фактов с эмпирическими данными других наук. Соблюдая этот принцип, автор с энтузиазмом привлекает сведения из далеких от языкознания областей – антропологии, психологии, нейробиологии, биомеханики, психофизики.

Неудивительно, что фундаментальные постулаты когнитивной лингвистики (см., например, [Скребцова, 2011, с. 26–29]) в полной мере справедливы в отношении рассматриваемой теории. Это и принципиальная междисциплинарность, выражающаяся в максимальной открытости, готовности привлекать сведения из различных областей знания, и установка на экспланаторность (ср. тщательный анализ предметов и ситуаций, обозначаемых семантически близкими словами в гл. 2), и осознанный антропоцентризм описания (ср. определение Ядра лексического значения). Весьма показательны также стремление анализировать языковые данные под совершенно новым, неожиданным углом зрения, разрушающим привычные представления об объеме и содержании традиционных, прочно закреплённых лингвистических понятий.

В отличие от многих других отечественных сочинений, причисляющих себя к когнитивной лингвистике, книга А. Д. Кошелева вполне органично вписывается в соответствующий общемировой контекст. Если попытаться позиционировать его теорию в рамках данного направления, в качестве ближайшей параллели на ум приходит когнитивная грамматика Р. Лангакера с ее эксплицитными теоретическими предпосылками и оригинальным понятийным аппаратом (ср. «профиль», «база», «траектор» «ориентир» и пр.), служащим для представления языкового значения. Объединяет эти две концепции, на наш взгляд, стремление к универсальности и связанные с этим вдумчивость и тщательность при формулировке исходных постулатов, определении необходимых понятий, а также выборе способа (формата) описания.

Однако теория А. Д. Кошелева глубже и шире по масштабу. Помимо различных областей, причисляемых к сфере ведения языкознания (лексическая и грамматическая семантика, психолингвистика, детская речь), она непосредственно затрагивает также когнитивные науки, психологию, антропологию и поднимает фундаментальные философские вопросы. Думается, что все это должно обеспечить ее востребованность широкой читательской аудиторией.

Список литературы

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>

Зубкова Л. Г. Теория Языка в ее развитии: от натурацентризма к логоцентризму через синтез к лингвоцентризму и к новому синтезу. М.: Языки славянской культуры, 2016. 626 с.

Кошелев А. Д. Когнитивный анализ общечеловеческих концептов. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2015. 280 с. URL: <http://akoshelev.net/>

Кошелев А. Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: ЯСК, 2017. 528 с. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. СПб.: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2011, 256 с.

Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987. 614 p.

T. G. Skrebtsova

*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russian Federation
t.skrebtsova@spbu.ru*

Book review: Koshelev A. D. Essays on evolutionary-synthetic theory of language. Moscow, LCR Publ. House, 2017, 528 p. (Language and Reasoning)

The monograph aims to give a comprehensive and well-integrated theoretical description of the language, taking into account its various properties. The synthetic component of the theory is meant to capture the interactive relations between language and other cognitive systems (thinking, knowledge representation, etc.) while the evolutionary component deals with the problems of onto-, glotto- and anthropogenesis. Linking the two components is sensory language lying at the core of the theory, a new notion that was introduced by A. D. Koshelev. Sensory language is made up of sensory lexical and grammatical units. The author puts forward an elaborate standard for their semantic definition designed to bring out both visual and functional properties of corresponding referents. Unlike most Russian linguists, Koshelev espouses a referential theory of meaning and presents solid arguments in its favour. The book may be classified as the work on cognitive linguistics although its scope is much broader, touching upon psychology, cultural anthropology, philosophy, and cognitive science.

Keywords: reference, mental representation, sensory language, language ontogenesis.

DOI 10.17223/18137083/65/25

References

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [A big comprehensive dictionary of the Russian language]. S. A. Kuznetsov (Ed.). St. Petersburg, Norint, 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>

Koshelev A. D. *Kognitivnyy analiz obshchechelovecheskikh kontseptov* [A cognitive analysis of universal concepts]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2015, 280 p. URL: <http://akoshelev.net/>

Koshelev A. D. *Ocherki evolyutsionno-sinteticheskoy teorii yazyka* [Essays on the evolutionary-synthetic theory of language]. Moscow, LCR Publ. House, 2017, 528 p. (Razumnoe povedenie i yazyk. Language and Reasoning).

Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago, Univ. of Chicago Press, 1987, 614 p.

Skrebtsova T. G. *Kognitivnaya lingvistika: Kurs lektsiy* [Cognitive linguistics: A series of lectures]. St. Petersburg, The Faculty of philology of SPbSU, 2011, 256 p.

Zubkova L. G. *Teoriya Yazyka v ee razvitii: ot naturotsentrizma k logotsentrizmu cherez sintez k lingvotsentrizmu i k novomu sintezu* [The theory of language in its development: from naturocentrism to logocentrism through synthesis to linguocentrism and to a new synthesis]. Moscow, LCR Publ. House, 2016, 626 p.